– Институт восточных рукописей РАН / The Institute of Oriental Manuscripts, RAS –

Russian Academy of Sciences
Institute of Oriental Studies
St. Petersburg Branch

PROVERBS AND SAYINGS OF NORTHERN INDIA

Compiled, translated from Hindi and Urdu and commented by A. S. Barkhudarov, V. M. Beskrovny and G. A. Zograph; Preface, Note on the Language of the Proverbs, Glossary and Index by G. A. Zograph

Edited by Ya. V. Vasil'kov, N. V. Gurov

St. Petersburg
1998

Российская Академия наук
Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ СЕВЕРНОЙ ИНДИИ

Составление, перевод с хинди и урду и комментарии А. С. Бархударова, В. М. Бескровного и Г. А. Зографа; сопроводительные статьи, словарь и указатель Г. А. Зографа

Издание подготовили Я. В. Васильков, Н. В. Гуров

Санкт-Петербург
1998

http://www.orientalstudies.ru

– Институт восточных рукописей РАН / The Institute of Oriental Manuscripts, RAS –

ББК Ш3(5Ид)-65
УДК 398(540)9

Издание осуществлено при финансовой поддержке фонда Й. Хонды (Амстердам, Нидерланды).
This book is published with the financial support from J. Gonda Foundation (Amsterdam, the Netherlands).

П61 **Пословицы и поговорки Северной Индии.** Сост., пер. с хинди и урду и коммент. А. С. Бархударова, В. М. Бескровного и Г. А. Зографа. Сопровод. ст., словарь и указ. Г. А. Зографа. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. — 384 с. (Серия «Orientalia»).

Предлагаемое издание — результат многолетней работы выдающихся отечественных индологов, безвременно ушедших В. М. Бескровного и Г. А. Зографа и ныне здравствующего А. С. Бархударова. Издание представляет собой обширный (около 4500) сборник пословиц, бытующих в северных штатах Индии — Хариана, Уттар-Прадеш, Мадхья-Прадеш и др. Сборник составлен на основе словарей пословиц, выходивших непосредственно в Индии начиная с конца XIX века, а также включает материал, собранный самими составителями. Пословицы в сборнике даются как в оригинале (в графике деванагари), так и в переводе.

Классификация собранного в сборнике материала приведена в соответствие с требованиями научной паремиологии. Пословицы и поговорки расположены в системе классификации, позволяющей подобрать нужное по смыслу изречение.

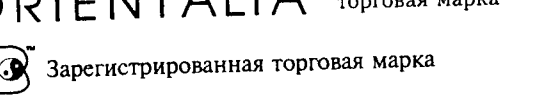
Издание предназначено как для специалистов, так и для всех любителей пословиц.

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.
No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

Исключительное право на распространение настоящего издания в России и за ее пределами принадлежит Центру «Петербургское Востоковедение».
The exclusive right to distribution of the present edition belongs to St. Petersburg Centre for Oriental Studies.

ББК Ш3(5Ид)-65
УДК 398(540)9

ISBN 5-85803-084-X
© Центр «Петербургское Востоковедение», 1998



Зарегистрированная торговая марка

Зарегистрированная торговая марка

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Пословица в речи — что соль в кушанье», — говорили арабы, и это изречение проникло далеко на восток, вплоть до Индии. Сходные афоризмы нетрудно найти и у других народов. Действительно, пословицы и поговорки оживляют речь, придают ей образность и эмоциональность. Это — яркие символы определенных ситуаций и отношений, они устойчивы и сохраняются долго. Поэтому их называют языковыми клише. Существует немало других разновидностей подобных клише, или паремий: разного рода заклинания и заговоры, поверья, загадки, прибаутки, побасенки — их насчитывается свыше двух десятков.

Выделение из всего этого довольно пестрого материала собственно пословиц и поговорок и отделение от них простых фразеологизмов и идиом типа русских выражений «Ему хоть кол на голове теши» или «Баклуши бьет», аналоги которых в популярных индийских сборниках обычно объединяются с пословицами, оказывается не такой уж легкой задачей. Мы старались выполнить ее насколько возможно тщательно и объективно, но тем не менее должны признать, что в предлагаемом читателю сборнике наличествует какая-то, пусть незначительная, доля «пограничного» материала, привлекшего составителей своеобразием формы или содержания. Это отдельные поверья и максимы, а также побасенки вида «вопрос — ответ». К тому же с пословицами смыкается и обширный литературный материал. Недаром говорится, что та или иная фраза из прозаического, а чаще стихотворного текста «вошла в пословицу», как, например, «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» или «Ах, злые языки страшнее пистолета». Так и в Индии к пословицам часто подключают стихотворные строки (обычно двустишия) из произведений классических авторов средних веков, индуистов и мусульман. Правда, такого рода афоризмы из-за специфики индийских стихотворных размеров бывают довольно громоздки и не вполне отвечают обычному для пословицы лаконизму, а потому мы включали их в сборник весьма избирательно. При подобных высказываниях в скобках курсивом приводятся имена их авторов.

В сборник вошли пословицы центральной части Северной Индии — обширнейшего современного штата Уттар-Прадеш, с которым смыкается административная территория Дели, — и прилегающих к этому штату районов: это так называемая область распространения

http://www.orientalstudies.ru

– Институт восточных рукописей РАН / The Institute of Oriental Manuscripts, RAS –

хинди, население которой превышает ныне 300 миллионов человек. Литературный хинди здесь служит основным языком административного управления, средств массовой коммуникации, просвещения и культуры. Наряду с ним, как другой литературный стандарт, на этой же территории, причем в первую очередь в городах, около трех столетий употребляется урду, позиции которого были особенно сильны в феодальный и колониальный периоды.

Хинди и урду, опирающиеся на единую диалектную базу, почти не различаются грамматически и фонетически — по своему строю они выступают двумя формами одного языка. Но в словаре, особенно «культурном», между ними имеются расхождения, способные достигать колоссальных масштабов. Дело в том, что, войдя в литературно-письменное употребление, хинди стал пополнять свой словарный состав заимствованиями из классического языка индийской древности — санскрита; санскритские корни, суффиксы и приставки служат для носителей хинди тем строительным материалом, из которого создается современная терминология (в этом смысле санскрит играет для хинди такую же роль, какую для европейских языков сыграли греческий и латынь). Для урду же источником литературных заимствований и терминотворчества послужили персидский и арабский языки. Сложившееся в результате этого расхождение в лексике подкрепляется и усугубляется использованием разных систем письма, принципиально между собой несхожих: тексты хинди пишутся слева направо индийским письмом деванагари, а урду — арабским, справа налево. Вследствие этого в функциональном и социолингвистическом плане хинди и урду стали восприниматься как разные языки, что нашло законодательное подтверждение в Конституции Индии.

Тем не менее в разговорных своих разновидностях хинди и урду различаются очень мало, и для них в недавнем прошлом употреблялось общее наименование — хиндустани. В полной мере это относится и к пословицам, поскольку они строятся в первую очередь на общеупотребительной обыденной лексике. Собственно говоря, весьма проблематичной представляется сама возможность мотивированного разграничения пословиц урду и хинди (если не считать «полупословичного» материала, восходящего к литературным источникам), и мы этой задачи перед собой просто не ставили, считая, что все наши пословицы относятся к хиндустани или же к хинди в широком смысле (включая и его локальные диалекты).

Нужно иметь в виду, что область распространения хинди поныне отличается диалектной неоднородностью. Здесь употребляются многочисленные диалекты и говоры, различающиеся в своих крайних формах настолько значительно, что в начале нашего века при составлении «Описания языков Индии» они были отнесены к трем разным «языкам»: «западному хинди», «восточному хинди» и «бихари». Несмотря на давнее историческое и культурное взаимотяготение входящих сюда районов и консолидирующиее влияние литературного хинди (а в какой-то мере и урду), диалекты как основное средство бытового общения продолжают жить в полную силу, особенно среди сельского населения, составляющего здесь преобладающее большинство. Полностью игнорировать диалектный материал при составлении сборника значило бы его обеднить. В одних случаях интересные по содержанию диалектные пословицы не имеют параллелей в стандартном языке, в других — диалектный вариант по своей форме оказывается ярче и выразительнее строго литературного, и тут мы иногда позволяли себе идти на дублирование. Наконец, кое-какой диалектный материал вошел в общеупотребительный пословичный фонд из произведений средневековых поэтов, язык которых отличается от стандартного хинди нашего времени.

Такое объединение лингвистически не вполне однородного материала оправдано с социокультурной точки зрения. Проводившиеся в Уттар-Прадеше и на его границах этнографические, социологические и фольклористические обследования свидетельствуют об отсутствии здесь сколько-нибудь существенных социокультурных различий. Структура обычного сельского общества, семейные отношения, организация труда и быта на фоне сходных условий природной среды Гангской долины позволяют говорить о единой в целом схеме традиционной народной культуры.

* *
*

Первоначальным источником пословичного материала для сборника послужила картотека росписи «Хинди-русского словаря в двух томах» под редакцией В. М. Бескровного. Собственно, она и внушила составителям идею создания сборника. Этот материал затем пополнялся за счет как дальнейшей выборки из текстов, так и широкого заимствования пословиц из существующих сборников на хинди и урду (см. «Библиографию»). В большинстве своем такие сборники невелики — они включают по нескольку сотен пословиц (от 400 до 700), которые приводятся часто вперемежку с простыми идиомами и фразеологизмами (соответственно эти сборники носят названия типа «Пословицы и фразеологизмы хинди», «Идиомы урду» и т. п.). Толкование обычно дается либо в объяснительной форме, либо указанием на ситуацию, в которой пословица употребительна («говорится, когда...») и нередко иллюстрируется подходящим контекстом. Совокупность материала, почерпнутого из таких популярных и часто переиздаваемых сборников, дает ядро «активного», т. е. наиболее употребительного ныне, фонда пословиц. Число их не превышает тысячи. В то же время за пределами этого фонда остаются тысячи и десятки тысяч ярких пословичных речений, частью просто менее популярных, частью же оставляемых в небрежении из-за их локального, «деревенского» характера.

Большое число пословиц подобного рода собрал в прошлом веке служивший в Северной Индии англичанин С. У. Фэлон. В 1886 г., уже после его кончины, в Бенаресе был напечатан составленный им «Словарь пословиц хиндустани», в который вошло около восьми тысяч пословиц, поговорок и некоторых других типов клише («изречений, эмблем, афоризмов, максим и сравнений», как они обозначе-

http://www.orientalstudies.ru

– Институт восточных рукописей РАН / The Institute of Oriental Manuscripts, RAS –

ны в титуле), воспроизведенных в латинской транскрипции и снабженных английским переводом. Еще ранее, в 1879 г., многие из этих пословиц были опубликованы в качестве иллюстраций в составленном им же «Хиндустани-английском словаре». Коллекция пословиц Северной Индии, собранных Фэлоном, до недавнего времени оставалась наиболее полной. Когда спустя почти сорок лет Вишвамбхарнатх Кхатри предпринял издание первого на хинди представительного свода пословиц, одним из важнейших источников для него, как специально указано в предисловии, послужили названные словари Фэлона. В 1968 г. «Словарь пословиц хиндустани» Фэлона был издан Кришнанандой Гуптой в графике деванагари с переводом дающихся там толкований на хинди. И только в 80-х годах нашего века, т. е. спустя столетие после Фэлона, появился превосходящий его по объему (около 20 тысяч статей) пословичный словарь известного лексиколога хинди д-ра Бхоланатха Тивари.

Все перечисленные издания были активно использованы составителями для пополнения предлагаемого читателю собрания, что позволило расширить первоначальный его объем более, чем втрое, хотя очень большое количество «околопословичного» материала (в первую очередь пространных цитат из средневековых авторов), а также немало речений, затруднительных для перевода и однозначного истолкования, пришлось при этом отбросить. Дополнительный материал был почерпнут и из вышедших в самые последние годы пословичных словарей среднего объема (порядка двух-трех тысяч статей): «Классифицированного словаря пословиц хинди» Шобхарамы Шармы (1983), где весь корпус паремий просто разделен на восемь алфавитных тематических групп (части тела, растения, животные, предметы обихода, социальная структура общества, религия и культура, судьба женщины, мировосприятие простого человека), и «Словаря литературных пословиц» Хариваншрая Шармы (1987).

Как видно из сказанного, объем «активного» пословичного фонда хинди в добрый десяток раз уступает объему «пассивного». Это отнюдь не является спецификой хинди. Если обратиться к нашим родным русским пословицам, то окажется, что в популярных сборниках, рассчитанных на массового читателя, их содержится не более тысячи. Такой объем имеет, например, «Словарь русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова, вышедший в 1967 г. вторым изданием. Раз в десять превосходит его академический сборник «Русские пословицы и поговорки», составленный А. М. Жигулевым. Знаменитые же «Пословицы русского народа» В. И. Даля включают их не менее тридцати тысяч, но сюда входят также и «поговорки, речения, присловья, чистоговорки, прибаутки, загадки, поверья и проч.».

* *
*

Одной из труднейших задач, вставших перед составителями данного сборника, явился выбор его структуры — способа подачи в нем материала. В издававшихся в недавнее время собраниях пословиц тех

или иных народов Востока русский перевод обычно давался вслед за восточным оригиналом, а оригиналы либо располагались по алфавиту соответствующего языка, либо делились на те или иные группы по чисто структурным признакам. Такая подача материала представляется нам оправданной и полезной лишь для тех читателей, которые владеют соответствующим языком, да и им, чтобы найти ту или иную пословицу, нужно помнить хотя бы, как она начинается. Подобные издания служат своего рода переводными словарями пословиц, к тому же не всегда сплошными, а распадающимися порой на формальные части. Читателю же, не знающему восточного языка и желающему впервые познакомиться с пословичным богатством соответствующего народа, при обращении к подобным сборникам приходится пускаться наугад в плавание по обширному морю разнообразного материала, не имея практически никаких ориентиров. Еще менее удачным кажется расположение материала по алфавиту русских переводов — здесь интересующую пословицу трудно найти и специалисту-востоковеду, поскольку ее место в сборнике зависит от той или иной редакции переводов.

Поэтому мы решили отделить переводы от оригиналов и оригиналы дать в конце книги как своего рода словарь пословиц для знающих хинди, а русские переводы расположить по смыслу. За примерами далеко ходить не нужно — по смысловому, тематическому принципу составил более ста лет назад свое собрание пословиц В. И. Даль. В последнее время этим вопросам уделялось значительное внимание, появилась целая отрасль филологии, занимающаяся общей теорией клише, — паремиология. Большим энтузиастом этого дела был недавно скончавшийся Г. Л. Пермяков, исследовавший паремии народов Востока. Если у Даля тематические группы пословиц расположены довольно случайно, то Г. Л. Пермяков разработал и практически опробовал в своих сборниках логическую систему классификации предметно-тематических пар различных противопоставленных сущностей, о которых идет речь в пословицах. Эта система подробно изложена им в статье, вошедшей в «Паремиологический сборник» и в книге «Пословицы и поговорки народов Востока» (1979), и повторять ее здесь мы не будем.

Мы попытались сперва расположить собранный нами материал именно по этой системе, но она оказалась неисчерпывающей — образовался довольно значительный «остаток» пословиц, не укладывавшихся в предложенные предметно-тематические пары даже при определенном «насилии», т. е. при логическом переосмыслении и объединении ряда предметов и явлений. Собственно говоря, такая предметная классификация принципиально не вмещается в исчерпывающий список, и это вполне сознавал сам Г. Л. Пермяков, отмечавший, что «в принципе перечень инвариантных тематических пар — вообще открытый». Несмотря на то что в продолжение перечня «основных» таких пар (их вышло 76) им был предложен широкий круг «дополнительных» (более 100), расширявшийся при каждом новом обращении к теме, этот список и в таком виде не избавляет от трудностей при практическом к нему обращении. Ярким примером этого служит

http://www.orientalstudies.ru

– Институт восточных рукописей РАН / The Institute of Oriental Manuscripts, RAS –

сборник «Сомалийские пословицы и поговорки» (1983), составленный Г. Л. Капчицем, учеником и последователем Г. Л. Пермякова, выступившего ответственным редактором книги. Пословицы и в этом сборнике даны дважды. В первой, основной его части (с. 17—176), содержащей 1001 пословицу (не считая 87 дополнительных), они распределены по синтаксическим типам, а внутри их даются по алфавиту оригиналов. Вторая же, вспомогательная часть (с. 177—234), решающая задачу классификации тех же пословиц по предметно-тематическим группам, охватила лишь 641 изречение, т. е. менее двух третей материала первой части; остальные, по-видимому, в подобные группы уложить не удалось.

Похоже, что предметно-тематическая классификация удобна в первую очередь при выборочном представлении пословиц, особенно если эта выборка имеет четко выраженную информационную или дидактическую целевую направленность, что позволяет строго ограничить тематические рамки включаемого в нее материала. Для более или менее полного и заведомо разностороннего корпуса пословиц того или иного народа она оказывается чересчур дробной, хотя и не охватывает всего круга не только теоретически мыслимых, но, главное, практически актуальных для определенной культурной традиции противопоставлений. К тому же многие пословицы предметно неоднозначны и «просятся» одновременно в разные группы. Например, пословицу «Лучше умному служанкой быть, чем дураку женой» можно отнести по крайней мере к трем группам: Умный—Глупый; Возглавляющее—Возглавляемое (или Высокое—Низкое?) и Мужчина—Женщина.

Но главное, что побудило нас отказаться от предметно-тематической классификации, заключалось не в ее видимых несовершенствах (совершенная и притом единая классификация элементов такой сложной по своим внутренним связям совокупности текстов, какой выступает собрание пословиц определенного народа, на наш взгляд, вообще невозможна), а в соображениях принципиального свойства. Ведь главная суть пословицы, ее смысловое содержание состоит не в том, о чем она говорит, а в том, что́ она говорит об этом. Пословица служит знаком отношения говорящего к наблюдаемому лицу, предмету или явлению, а также к ситуации, складывающейся в результате взаимодействия таких лиц, предметов, явлений. При этом один и тот же смысл может передаваться по-разному — на разном предметном фоне и структурно неодинаковыми конструкциями (см. русское: «Яблочко от яблоньки недалеко падает» и хинди: «Дитя акробата кувыркаться-то будет»). Пословичные смыслы, в свою очередь, поддаются классификации, и такая классификация была тоже предложена Г. Л. Пермяковым, назвавшим ее логико-семиотической. Она изложена и опробована в упоминавшихся выше его работах, а суть ее содержания и применяемая цифровая и буквенная индексация воспроизводятся оглавлением русской части нашего сборника, что избавляет от необходимости излагать ее здесь. Эта классификация представляет собой хорошо уравновешенную систему, обладающую логической стройностью и высокой степенью симметрии. Хотя и она, возможно, не является исчерпывающей и идеальной, предлагаемые ею рубрики оказались достаточно широки, чтобы вместить без слишком явного «насилия» практически весь классифицируемый материал.

Разумеется, на пути его распределения по предложенным рубрикам встретились трудности. Прежде всего это было вызвано объективными причинами. Не всегда достаточно четки основания классификации (порой нелегко уловить границу, например, между подгруппами 1К. Правильность—Неправильность и 5Л. Непрактикуемость—Практикуемость; между группами 8. Взаимозависимость—Независимость и 9. Совместимость—Несовместимость и т. д.; в значительной мере условно различали мы группы 4. Цельность—Противоречивость и 15. Качественные Соответствия—Несоответствия — по предметному единству для первого случая и сопоставлению разных предметов для второго). Неоднозначен и сам материал, нередко допускающий различие понимания и толкования. Поясним это на примере русских пословиц. Изречение «У семи нянек дитя без глаза (глазу)» воспринималось нами в детстве только в том смысле, что ребенок теряет свой орган зрения. Такое же понимание мы встретили у многих опрошенных нами по случайному выбору лиц различных профессий, отмечено оно и в литературе [Жуков, с. 461]. Далеко не все догадываются соотнести его с выражениями «За ним нужен глаз да глаз», «За ним глазу нету», указывающими на изначальное понимание данного контекста как «У семи нянек дитя без присмотра». Другой пример: «Гречневая каша сама себя хвалит». Кажется, это надо понимать так, что хорошая, добротная вещь не требует похвал со стороны, она сама за себя говорит. Но не встречалось ли вам, особенно в детской среде, употребления этой пословицы в осуждение самохвальства, откуда рождается даже ироническое прозвище «гречневая каша» (т. е. хвастун)? Этот семантический сдвиг отметил еще В. И. Даль: «Начальный смысл этого был прямой: что хорошо, того нечего хвалить; ныне пословица говор[ится] к самохвальству» [Даль, с. 732].

Подобная двусмысленность (или, во всяком случае, допустимость неоднозначного толкования) присуща многим индийским пословицам. Это находит отражение и в объяснениях, даваемых индийскими словарями. Примеры того, как по-разному могут пониматься двучленные пословицы, предполагающие повтор отрицания, приведены во вступлении ко второй части нашего сборника. Но, пожалуй, не меньше, а даже больше классификационных расхождений возникло по субъективным причинам — в результате осознанного, а иногда и неосознанного разобщения структурно сходных и семантически близких пословиц и отнесения их к разным группам и подгруппам логико-семиотической схемы, т. е. вследствие индивидуального восприятия их переводчиками-составителями.

Имеются, например, три пословицы, построенные по единой схеме: «Одно дело X, а другое Y», где X и Y — лица, принадлежащие к разным социальным слоям общества. Все они говорят о «качественной неравноценности» называемых субъектов для говорящего и на этом основании должны быть отнесены к подгруппе 22КОБ. Но в определенных контекстах они могут означать и «незаменяемость

http://www.orientalstudies.ru

– Институт восточных рукописей РАН / The Institute of Oriental Manuscripts, RAS –

одних вещей другими» (подгруппа 14КА) или же их «неодинаковость» (подгруппа 7КА). Поэтому мы позволили себе разнести их по всем трем названным группам, где каждая конкретная пословица служит как бы «представителем» общего типа.

В других случаях отнесение пословицы к той или иной группе опиралось на логическое выделение определенного члена фразы, принимающего на себя основную смысловую нагрузку. Так, в пословице «Умирающий чего не сделает» логическое ударение ложится на местоимение, и это дает основание включить ее в подгруппу, характеризующую «беспредельность вещей» (3ЛБ). Но вариант ее, распространенный обстоятельством «с голоду» (в оригинале оно, кстати, занимает доминантную — начальную — позицию) позволяет усмотреть новую актуализацию, соответственно которой отнести его к подгруппе «порождение» (10КА) и трактовать в смысле: «голод чего только не заставит сделать». Примеров неоднозначной квалификации сходных пословиц мы могли бы привести несколько десятков. Вероятно, еще больше окажется таких пословиц, отнесение которых к той или иной группе может показаться на свежий глаз недостаточно обоснованным, но, как правило, мы старались найти формальную мотивировку их интерпретации в оригинале, не всегда поддающемся абсолютно эквивалентному буквальному переводу.

Что касается расположения пословиц внутри основных формообразующих групп и подгрупп, то мы относительно строго следовали только первому шагу предложенного Г. Л. Пермяковым формального членения, выделяя «основные формы» (А), «трансформы отрицания» (Б) и «трансформы сочетания» (В). «Трансформы вопроса» (Г) мы обособляли только в тех редких случаях, когда сам вопрос не носит чисто риторического характера и не содержит имплицитного ответа, либо позитивного (А), либо негативного (Б), либо же допускающего альтернативу (В) и позволяющего в результате разнести такие пословицы по трем первым группам. В дальнейшей внутренней аранжировке рубрик А, Б и В мы хотя и старались следовать в общих чертах предлагаемой Г. Л. Пермяковым схеме, но позволяли себе отступать от нее в тех случаях, когда объединение тематически взаимотяготеющих пословиц напрашивалось само собой.

Хотя, как правило, основной смысл пословицы (или по крайней мере наше его понимание) можно установить по ее месту в рубриках сборника и соответственно ближайшему окружению, мы сочли нелишним давать пояснительный комментарий в тех случаях, когда могла возникнуть какая-то неясность. Там, где для индийской пословицы удавалось найти выразительный русский эквивалент, он приводится вместо комментария. Например, смысл изречения индийских мусульман: «Что Бог убил, то запретно; что сам убил, то дозволено ⟨в пищу⟩» — раскрывается его русской параллелью: «Дохлятину есть нельзя, а убоину можно» — эффективнее и компактнее, чем какими-либо объяснениями. Довольно распространенные пословицы и поговорки, представляющие собой цитату из популярного анекдота, сопровождаются изложением соответствующего сюжета или отсылкой к указателю сюжетов Аарне и Томпсона и указателю индийских фольклорных мотивов Томпсона и Бейлиса (см. «Библиографию»). Что же касается индийских реалий, оставляемых без перевода из-за отсутствия русского эквивалента, то за их толкованием следует обращаться к заключающему собрание «Словарю».

Возвращаясь к вопросу построения сборника, нужно отметить, что удовлетворительная во всех отношениях универсальная аранжировка пословиц в книге вряд ли достижима. Принятая книжная форма подачи диктует одномерную — линейную — их организацию, а, как прекрасно показал Ю. И. Левин в своей статье о провербиальном пространстве, смысловые связи пословиц чрезвычайно многообразны и укладываются в «многомерный континуум» (причем добавим, что «мера» эта должна быть весьма высоких порядков). Отсюда можно вывести заключение, что если пословица сама по себе является текстом, причем текстом строго ограниченным, равным простому или сложному предложению (поговорки и побасенки мы сейчас опускаем), то и совокупность пословиц народа во всем многообразии их взаимных, сложно переплетенных, но не прерывающихся связей образует своего рода текст. Особенностью этого текста, отличающей его от рассказа, романа или тематического стихотворения, является его расчлененность, отсутствие линейной упорядоченности составляющих его фраз. Но как раз это дает возможность упорядочивать его целенаправленно — по сознательно выбранным линиям объективно существующих связей, и в этом состоит неисчерпаемая увлекательность и в то же время немалая сложность работы с пословицами. Можно надеяться, что при дальнейшем развитии компьютеризации в гуманитарных науках будет создан автоматизированный банк пословиц, позволяющий отразить все многообразие их внутренних связей.

Как уже было сказано, помимо смысловой, содержательной стороны у пословиц есть еще и предметная, образная, отражающая тот внешний мир, на явлениях которого построены пословичные знаковые ситуации. Эта сторона имеет свой специфический интерес, особенно когда мы обращаемся к пословицам чужого народа, поскольку в пословицах, как отмечают паремиологи, национальные «различия касаются почти исключительно предметно-образный сферы, не затрагивая значений» [Левин, с. 122]. Для того чтобы читатель смог представить себе предметный мир индийской пословицы, сборник снабжен указателем, содержащим ключевые слова и понятия, на которые опираются пословицы (при этом для экономии места некоторые производные слова объединены в гнезда, а синонимы даны с отсылкой к наиболее употребительному). Указатель позволяет установить степень популярности в пословичной речи тех или иных конкретных образов, а также выявить круг семантических отношений, в которые вступает определенный предмет или явление. Как и пословичные смыслы, предметные ассоциации выступают здесь в многообразнейших отношениях между собой, создавая модели тех или иных сфер действительности: деревенского (в меньшей степени — городского) общества, семьи, хозяйственного инвентаря, растительного и животного мира и т. д.

http://www.orientalstudies.ru

– Институт восточных рукописей РАН / The Institute of Oriental Manuscripts, RAS –

При этом вещи, явления, действия и их взаимные связи изображаются в пословице не бесстрастно-описательно, не абстрактно, а через конкретное отношение к ним говорящего. Здесь выходит на сцену еще один фактор — сам носитель пословицы, который играет главную роль не только в ее выборе и использовании, но и в сообщении ей модальной окраски. В связи с этим уместно сказать, что широко распространенное определение пословиц как «мудрости народной» требует уточнения и в первой и во второй его частях. На относительность пословичной мудрости обратил внимание еще А. С. Пушкин, не без иронии заметив в «Метели»: «...все решили... что суженого конем не объедешь, что бедность не порок, что жить не с богатством, а с человеком и тому подобное. Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание». Вернее было бы сказать, что пословицы отражают определенный стереотип мышления, причем мышления не «народа» вообще и не отдельных его представителей, а тех или иных социальных групп в нем — имущественных, профессиональных (а для Индии — и кастовых), религиозных, возрастных, половых и т. д. (в больших пословичных сборниках обычны пометы: мусульманская, индуистская, женская, деревенская, торговая — и мы старались их здесь сохранять). Вместе с тем в пословице сказывается и непосредственная ситуационная позиция говорящего — недаром отмечалось, что одно и то же изречение может звучать как осуждение или как оправдание в зависимости от того, прилагается ли оно к другому или к себе самому. Отсюда — многообразие выражаемых точек зрения и кажущаяся противоречивость «пословичной мудрости», способной давать одному и тому же явлению прямо противоположные оценки, а порой несущей в себе и распространенные предрассудки.

И все же это лучшее обобщение исторического социального опыта, причем опыта действительно народного, поскольку и содержательная и предметно-образная структура пословиц свидетельствует об их исконном демократизме. Мы практически не находим в пословицах примеров превознесения власть имущих, а уж тем более пресмыкательства перед ними. Напротив, характеристика представителей привилегированных слоев общества нередко несет в себе элемент иронии, доходящей порой до злого сарказма. В лучшем случае о них говорится с равнодушием, как о данности внешнего мира, не зависящей от говорящего. Та бытовая среда, которую воспроизводят пословицы, также свидетельствует о том, что складывались они не во дворцах и не в хоромах вельмож, а в хижине крестьянина или домишке небогатого горожанина, в мастерской ремесленника, на поле, в толчее улицы или на шумном базаре.

Воплощенный в приводимых пословицах исторический опыт отражает по преимуществу докапиталистический быт и сознание, т. е. эпоху, когда хозяйство было в основе своей натуральным, а идеология — религиозной. Свидетельства проникновения в пословицу явлений нового времени крайне редки: в трех пословицах говорится об англичанах (причем одна из них является парафразой более ранней

стандартной характеристики безысходной бедности, к которой добавлена модернизированная вступительная формула: «Английская власть — ни тряпки тело прикрыть, ни хлебушка брюхо набить»), в одной упоминается поезд («За церемонностями и поезд ушел»), еще в одной — спички. В целом же вошедшие в сборник пословицы возникли в период, предшествовавший колониальному порабощению страны европейцами. Они отражают патриархальный быт индийской деревни в том виде, как он сохранялся до недалекого прошлого, т. е. до начала механизации сельского хозяйства и социальных преобразований, проводимых правительством независимой Индии. Достаточно ярко представлен здесь и уклад феодального города эпохи господства в Северной Индии мусульманских династий с присущими ему административно-чиновничьим аппаратом, отзвуками идеологии ислама и отдельными бытовыми чертами.

Характерно, что пословицы дают добавочные свидетельства того симбиоза индуистского и мусульманского элементов в позднесредневековой народной культуре Северной Индии, о котором уже немало писалось. Не только Рам и Аллах, раджа и шах, брахман и мулла то и дело чередуются в аналогичных контекстах, но нередки и более широкие параллели. «Отправится жертвователь на небеса или в ад — все равно: меня лепешки и простокваша заботят», — говорит устами жреца-брахмана индуистская пословица. «Пойдет покойник в рай или в ад, моя забота — печенье и халва», — вторит брахману мулла в мусульманской. Полную аналогию демонстрируют и пословицы, констатирующие неудачу с самого начала дела: «„Шри Ганеш“ и тот с ошибкой» и «И „бисмилла“ с ошибкой». Обе они построены на вступительных (посвятительных) формулах, которыми открывался любой традиционный текст, индуистский («Слава почтенному Ганеше» — слоноголовому богу, покровителю наук и учености) и мусульманский («Во имя Аллаха, милостивого и милосердного»). В этом свете изречение «Индуисты и мусульмане связаны как лиф и подол ⟨платья⟩» представляется объективной характеристикой социально-культурной ситуации на массовом уровне в доколониальной Северной Индии. Отголосок конфессиональной неприязни в пословице «Дал — так дал, а назад берешь — значит, ⟨ты⟩ мусульманин» на общем фоне выглядит исключением.

* * *

В чем же конкретно проявляется специфика отражения мира в пословицах хинди и урду?

Социальная структура общества так или иначе затрагивается в более чем пяти сотнях изречений, где говорится о правителях и подданных, должностных лицах, представителях разных профессий и каст.

Возглавляет социальную иерархию царь (около 65 пословиц: в 50 из них он выступает как раджа, в остальных — как шах). Он выделяется в коллективе какими-то особыми достоинствами («Среди слепых кривой — раджа», «Средь ста ворон одна цапля — раджа») и служит

http://www.orientalstudies.ru

– Институт восточных рукописей РАН / The Institute of Oriental Manuscripts, RAS –

символом властности и богатства («У себя дома всяк падишах»), низменное, житейское ему и членам его семьи малознакомо («Пошла рани на базар, принесла, довольная, жерновок для мельницы»). Долг царя — управлять подданными («Раджа хорош, когда властен»), которые в результате будут ему соответствовать («Каков раджа, таковы и подданные») и без которых его власть лишена смысла («Когда нет народа, зачем нужен раджа», «Шахская власть — от подданных»). Пренебрежение их интересами осуждается («Народ мрет, а раджа веселится»), и люди помнят, что царский произвол не беспределен («Раджа осерчает — своих милостей лишит, а судьба в его ли власти?»), что сам владыка — тоже человек («Смерть не оставит ни ражду, ни нищего», «В любви шах и нищий равны») и подвержен превратностям судьбы («Часом раб, а часом и шах»). Царица (рани) поминается немногим более десятка раз и в своих качествах соотносится с супругом.

Высшие чины в государстве — царские советники или министры (вазир, диван, мантри) — названы по одному-два раза и символизируют опору трона или высокую должность. Обобщенно, в смысле «вельможа» (обычно противостоящий бедняку), употребляются титулы мусульманской аристократии (эмир, наваб). Олицетворением насилия, корыстного злоупотребления властью, стяжательства выступают разного рода чиновники (хаким, шихна, котваль, канунго и др.), а также ходатай по делам (вакил). Особенно достается мусульманскому судье — кази, чье имя вообще не употребляется без насмешки; поистине, «Что ни случись — все кази виноват».

Более трехсот пословиц называют представителей различных профессиональных и кастовых групп. Добрая половина из них относится к членам традиционной сельской общины и позволяет моделировать превалирующие в ней отношения. Индуистское население североиндийской деревни делилось по кастовому признаку на четыре иерархических слоя: 1) высокие чистые касты (это брахманы и их подкасты), 2) средние чистые касты (сюда обычно входят землевладельцы — потомки древней воинской касты кшатриев, торговцы-бании, писцы-каястхи и ювелиры), 3) низкие чистые касты (земледельцы, пастухи и ремесленники, чей труд не связан с ритуально нечистыми предметами и веществами) и 4) неприкасаемые. Следы такого членения сохраняются и поныне, несмотря на законодательные меры, направленные против кастового неравенства. Практическим критерием членения на указанные социальные слои, определяющим и иерархию отдельных каст внутри их, служит допустимая мера межкастового общения, выражающегося в дозволенности или недозволенности принятия членом вышестоящей касты из рук члена нижестоящей касты пищи, воды или трубки (кальяна). Для того, другого и третьего существует своя мера ограничений, причем пища, приготовленная в животном или растительном масле, считается «зрелой» и запреты на нее не столь строги, сколь на «сырую» (она включает также варенную в воде и печенную на огне без масла). Отсюда и родилась пословица об опрометчивых действиях — «Испив воды (вариант: „съевши рис“), спрашивает о касте». Представители всех трех первых слоев, т. е. «чистых» каст, вообще ничего не берут из рук неприкасаемых. Что же касается их общения между собой, то его границы варьируются локально, причем отношение к пище, воде и курению неодинаково: воду всем, включая брахманов, разрешается принимать от любой чистой касты (с единичными исключениями), трубка же приравнивается то к воде, то к пище; последнюю же, особенно «сырую», обычно не принимают от представителей нижестоящего слоя. Щепетильностью в соблюдении ритуальной чистоты принимаемой ими пищи особо отличаются брахманы из Канауджа (юго-запад Уттар-Прадеша), за что они и осмеиваются в пословицах типа «У трех канауджцев тринадцать очагов». Естественно, что в таком расчлененном обществе каждая каста служит объектом пристального внимания окружающих, и складывающееся отношение к ней находит достаточно яркое отражение в пословицах.

Несмотря на то что брахманы и их подкасты панде и чаубе стоят на верхней ступеньке социальной лестницы, отношение к ним далеко не уважительное. Часто они изображаются алчными попрошайками и обжорами («Приглашенный на обед брахман подобен врагу»), паразитирующими за счет тружеников. Их мудрость и святость подвергаются сомнению («Брахман сам тонет и паству за собой тянет», «У пандитов и факельщиков все наоборот: другим они светят, а сами — в темноте»). Соответственно отвергается и правомерность серьезной заботы об их вознаграждении («Павшую телушку — брахману» — это при том, что достойнейшим даром брахману считается дойная корова). По-видимому, здесь сказался антиклерикализм, свойственный массовому сознанию: и мусульманские пословицы, касающиеся муллы (их около десятка), сплошь ироничны.

Среди представителей чистых каст среднего ранга особое место занимают в пословицах торговец-бания и золотых дел мастер. Бания — патентованный жулик, движимый только корыстью и стремящийся обмануть знакомого и незнакомого, мелкая душонка, таящая коварство («Душа у бании с семечко кориандра», «Кто с банией дружен, тому какой враг нужен?», «Приветствие бании бескорыстным не бывает»). Он фантастически скуп («Жена бании съест на две пайсы гвоздики, [так он спросит:] „Скажи, весь дом по ветру пустишь?“»). И при всем том он трус и эгоист («Припугнутый бания полный вес дает», «Четыре вора на восемьдесят четыре бании: всех обобрали одного за другим»). Своекорыстие, нечестность отличают и ювелира, никогда не остающегося внакладе («Украшения у мира, а золото у ювелира», «Ювелир отначит и от серьги собственной матери»).

В числе чистых каст низшего ранга земледельцы, пользующиеся несомненной симпатией как производители хлеба насущного, упоминаются редко. По разу названы джат и гуджар — оба как жертвы невыгодного для них сотрудничества с проходимцем домом (дом — каста бродячих музыкантов и танцоров, не пользующаяся уважением). Из ремесленников упомянуты кузнец, аттестуемый как мастер своего дела, гончар, или горшечник, маслодел, отжимающий растительное масло и торгующий им, цирюльник и винокур. Гончар и маслодел — бедные труженики, едва сводящие концы с концами; да-

http://www.orientalstudies.ru

– Институт восточных рукописей РАН / The Institute of Oriental Manuscripts, RAS –

же то, что сами они производят, им недоступно («В доме у горшечника нехватка посуды», «Вышла за маслодела, а ела все равно без масла»). Цирюльник — всеобщий прислужник, не пользующийся уважением, хотя к нему и обращаются эвфемистически — «господин» (тхакур). Реально же он господин только на собственной свадьбе (у других он оказывает услуги гостям), но зато здесь ему приходится обходиться без слуг. На винокура же, стоящего на нижней ступеньке лестницы чистых каст и иногда кое в чем приравниваемого к неприкасаемым, смотрят как на разбойника и даже как на погибель («Смерть обойдет, винокур не обойдет»).

Замыкают иерархию неприкасаемые — прачки (дхоби) и кожевники (чамары). С ними связаны представления о полной обездоленности («Собаке дхоби нет пристанища ни дома, ни на речном берегу») и неизбывной, изнуряющей работе («Чамару и на небесах подневольный труд»). И все же, как отмечает пословица, «Красавицы и в касте чамаров бывают».

В пословицах можно найти красочные характеристики представителей других социальных групп и профессий: лекаря и куртизанки, мясника и ткача, солдата и вора. Немало внимания уделяется в них разнообразным святым и подвижникам, индуистским и мусульманским: садху, йогам, дервишам, факирам, которыми еще в недавнем прошлом буквально кишело всякое людское сборище. Эти персоны изображаются, как правило, без особой симпатии и с заметной долей здорового скептицизма, находящего обобщение в словах: «Святых много ложных, а истинных мало».

Широкая группа пословиц (около 350) воспроизводит семейные отношения. Надо сказать, что выводимая на пословичном материале модель в общих чертах отвечает нормам, бытовавшим и в русской патриархальной семье. Отношения жены с мужем, родителей с детьми, прочих родственников и свойственников, достоинства и недостатки каждого из них в той или иной ситуации оцениваются по привычным для нас меркам. Интересно, что отношения тещи и зятя в индийской пословице практически не отражены, зато подробнейшим образом обсуждаются коллизии, возникающие в общении свекрови с невесткой. Особенность индуистского семейного быта, нашедшая яркое отражение в пословицах, — институт двоеженства (саут) и связанная с этим ревность. Показательно, что мусульманское многоженство и детали гаремного существования женщин в пословицах вообще не упоминаются (кажется, единственный слабый намек на него: «Госпожа-затворница, а юбка из рогожи»). Похоже, что это связано с аристократическим, ненародным характером такого обычая.

Глубокое взаимопроникновение индуистского и мусульманского обнаруживается в сфере практических (недоктринальных) верований и суеверий. Довольно часто (свыше 150 раз) поминаемый Бог выступает как символ высшей справедливости и устроитель порядка в мире, определяющий судьбы людей и служащий последней надеждой обиженному и обездоленному. Функции его универсальны независимо от присваиваемого ему имени. В оригинале он чаще всего (не менее 60 раз) фигурирует под обезличенным персидским наименованием Кхуда; примерно одинаково (по 20—25 раз) представлен как Рам и Аллах. Кроме того, для обозначения Всевышнего употреблено еще свыше полутора десятков других названий, по преимуществу индуистских (Ишвар, Парамешвар, Део и др.). Разные по происхождению имена Бога свободно чередуются в сходных, а иногда и полностью идентичных контекстах, выражая одно и то же, в общих чертах универсальное для монотеистических религий отношение ко Всевышнему, но осознание нетождественности обеих вер все же проскальзывает в пословицах типа «Ни Раму, ни Аллаху».

Житейски переосмысляются в пословицах и персонажи религиозной мифологии. Изредка упоминаемые имена персонифицированных индийских богов символизируют здесь приписываемые им индивидуальные качества: Махадео (Шива) — это величие, Лакшми — счастье и богатство, Яма — смерть и разрушение. Ассоциативно воспринимаются и проникшие в Индию вместе с исламом образы Адама, архангела Гавриила, Иосифа Прекрасного, ангелов, райских дев — гурий. Они стоят в одном ряду с образами, почерпнутыми из традиционной литературы: Лейлы и Меджнуна, Зулейки, Хатима — с одной стороны, и Ситы, Рама, Равана — с другой.

Демонология пословиц крайне небогата. Для индуистов это прежде всего бхуты — злые духи умерших, а изредка и демоны-ракшасы. Те и другие служат прямыми аналогами наших чертей и бесов. В мусульманских пословицах им как носитель злого начала соответствует шайтан — сатана, с полдюжины раз выступающий антагонистом Бога, который в этом случае фигурирует под рифмующимся с шайтаном именем Рахман, что значит «Милосердный» (постоянный эпитет Аллаха). Еще один вид нечистой силы — ведьмы (даян). Они также неотличимы от наших. Специфическая их разновидность — чурайл, преследующий по ночам молодых мужчин (страшный обликом дух женщины, умершей беременной или при родах); появляются исключительно в противопоставлении волшебным красавицам — пери.

Благодаря пословицам можно представить себе и условия быта, и ту природную среду, которая окружает их носителей, хотя подобная информация довольно скудна. Пословица, как правило, лишь называет, но не описывает предмет, выступающий обычно не в качестве самостоятельного объекта обсуждения и оценки, а в виде побочной детали, характеризующей лицо или ситуацию, на которые устремлено основное внимание. Здесь могут быть интересны как сами предметы, составляющие какие-то группы, так и мера внимания, уделяемого каждому из них.

Если обратиться к животному миру, окружающему индийца, то мы увидим, что среди домашнего скота чаще всего упоминается лошадь (свыше 60 раз), причем различаются рядовая упряжная кляча, верховой конь, скакуны разных пород. Часты упоминания осла и ослицы (свыше 50 раз), нередко связываемых с их незадачливыми владельцами — гончарами и дхоби — и выступающих козлами отпущения для всякого встречного. Популярны корова (свыше 20 раз), бык и вол, служащие крестьянину тягловой силой (свыше 30 раз), а также телята (свыше 15 раз). Рядом с ними, примерно в тех же контекстах,

http://www.orientalstudies.ru

– Институт восточных рукописей РАН / The Institute of Oriental Manuscripts, RAS –

но реже (раз 10), выступают буйволица и буйвол. Из мелкого скота упоминаются козы (25 раз) и овцы (10 раз). Свинья упомянута всего один раз, да и то в качестве бранного слова. Зато часто встречаются верблюд (35 раз) и слон (30 раз), последний — как символ основательности и атрибут величия. Много пословиц связано с собакой (свыше 60) и кошкой (свыше 35), с которой нередко соседствует мышь (свыше 20 раз), выступающая и самостоятельно — как представитель разряда мелких зверюшек (ср. также белку — три раза).

Можно было бы перечислить и диких животных, и растения — деревья, плоды и злаки, среди которых немало для нас необычных, и орудия труда, и разнообразные предметы домашнего обихода, посуду, пищевые продукты, одежду, украшения и т. д. Но об этом лучше скажут сами пословицы.

* * *

В переводе приводимых ниже пословиц и поговорок мы старались следовать содержанию и форме оригинала настолько близко, насколько это допускают нормы русского языка. При этом хотелось по возможности сохранить разговорное звучание речи, передать ритм фразы, а также внутреннюю рифму. Незамысловатость последней, по преимуществу глагольной, оправдана столь же незамысловатым характером ее в оригиналах.

В тех случаях, когда в перевод приходилось вводить пояснительные слова, в подлиннике отсутствующие, они заключались в угловые скобки. В круглых скобках приводятся вариантные чтения, относящиеся к предваряющему скобку слову (если вариантов несколько, они разделяются в скобке косой чертой), в квадратных — факультативные компоненты, отличающие один из вариантов оригинала. В случаях варьирования целых словосочетаний оба варианта пословицы приводятся полностью под отдельными номерами.

Для двучленных пословиц, различающихся в оригинале только порядком следования синтагм, обычно дается один общий перевод, за исключением случаев, когда такое изменение порядка отражается на актуализации и соответственно смысле высказывания. Цифры после перевода означают номера оригиналов пословиц, помещенных во второй части сборника.

Г. Зограф

Часть 1

ПОСЛОВИЦЫ ХИНДИ И УРДУ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ, РАСПОЛОЖЕННЫЕ ПО ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИМ ГРУППАМ

http://www.orientalstudies.ru

– Институт восточных рукописей РАН / The Institute of Oriental Manuscripts, RAS –

Proverbs and Sayings of Northern India. Editorial Note

The collection "Proverbs and sayings of Northern India" compiled by G. A. Zograph (1928—1993), A. S. Barkhudarov and V. M. Beskrovny (1908—1978) is far richer in its factual material (it contains about 4500 entries) and covers a wider variety of subject areas than any other publication of the kind in European languages. At the same time the general approach to the problem and the techniques of representing paremiological data applied by G. A. Zograph with co-authors make the book clearly superior to even larger volumes of proverbs that came out in India in the 1980 s.

The collection is based on sayings and proverbs (including some "literary proverbs", i. e. aphoristic quotations from classical works by Mediaeval writers) which circulate among numerous ethnic and ethnosocial groups of the three hundred million population inhabiting the Ganges valley as well as the territory between the Ganges and Jamuna (the state of Uttar Pradesh, the area of Delhi, eastern parts of the state of Haryana and western regions of Bihar). The language of the proverbial phrases incorporated in the book — all of them are supplied with their original versions — reflect the bilinguism typical to the mentioned regions, and in addition to those in Urdu and Hindi which are the two widespread and common tongues of culture and interethnic communication the reader encounters proverbs in various dialects and vernaculars.

As for the way of presenting the materials gathered in the volume the authors refuse categorically to adhere to conventional principles customarily used in compiling collections of this type on which proverbs are given merely in alphabetical order or are grouped according to purely structural features. Instead, they chose a method which is both more convenient for the reader and, on the other hand, more suitable for the purposes of meeting the demands of paremiology — the discipline concerned with the study of linguistic clichés.

The method employed here consists in applying a semantic thematic principle and is considering in the first place the attitude of the speaker to a person, a thing or a situation involved. Having taken the logic-semiotic classification suggested by G. L. Permyakov in the 1970 s as a starting point the authors, however, ingeniously modified and adjusted it, bringing necessary corrections and improvements stipulated by the cultural and linguistic uniqueness of Indian proverbs and sayings.

The process of introducing the reader to the thematic and figurative, image-bearing contents of proverbs (each of which is an artistic miniature as it is believed by paremiologists) is facilitated by supplementary supporting devices to the book. These include a dictionary of Indian terms and a special index containing key words and key notions used in proverbial phrasal units of different types. The realm of specific images represented in the speech abounding in sayings reveals to the reader mentalities of various ethnic groups (castes and

http://www.orientalstudies.ru

– Институт восточных рукописей РАН / The Institute of Oriental Manuscripts, RAS –

subcastes), and also draws a complicated picture of the life in the traditional Indian society which, although it was shaped some 700—800 years ago, during the Middle ages, has preserved certain features that have remained virtually unchanged.

All this leaves us with the hope that the unique work done by G. A. Zograph and his co-authors will be of interest not only to scholars majoring in different branches of knowledge (linguists, cultural anthropologists, folklorists, social psychologists etc.), but will also get attention of a wider range of readers, admirers of India and lovers of popular wisdom.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Часть I. Пословицы хинди и урду в русском переводе, расположенные по логико-семантическим группам 21

Тип IA. Отношения между вещью и ее свойствами 23

Группа 1. Обычность—Необычность 23
Подгруппа К. Правильность—Неправильность 23
Подгруппа Л. Полноценность—Неполноценность 25
Группа 2. Неизменность—Изменчивость 27
Подгруппа К. Неизменность—Изменчивость отдельных признаков вещи 27
Подгруппа Л. Неизменность—Изменчивость вещи как таковой 30
Группа 3. Предельность—Беспредельность 31
Подгруппа К. Предельность—Беспредельность вещей во времени и пространстве 31
Подгруппа Л. Предельность—Беспредельность вещей в степени их качеств 34
Группа 4. Цельность—Противоречивость 35
Подгруппа К. Однородность—Неоднородность 35
Подгруппа Л. Непогрешимость—Погрешимость 40
Группа 5. Неисполнимость—Исполнимость 45
Подгруппа К. Невозможность—Возможность 45
Подгруппа Л. Непрактикуемость—Практикуемость 48
Группа 6. Обратимость—Необратимость 50
Подгруппа К. Обратимость—Необратимость в пространстве и времени 50
Подгруппа Л. Повторяемость—Неповторяемость 54
Группа 7. Своеобразие—Однообразие 55
Подгруппа К. Неодинаковость—Одинаковость 55
Подгруппа Л. Непохожесть—Похожесть 57

Тип IБ. Отношения непосредственной зависимости между двумя вещами 59

Группа 8. Взаимозависимость—Независимость 59
Подгруппа К. Бытийная Зависимость—Независимость 59
Подгруппа Л. Неотделимость—Отделимость 63
Группа 9. Совместимость—Несовместимость 67
Подгруппа К. Совместимость—Несовместимость в пространстве и времени 67
Подгруппа Л. Дружественность—Враждебность 71
Группа 10. Порождение—Непорождение 74
Подгруппа К. Собственно Порождение—Непорождение . 74
Подгруппа Л. Начинание—Неначинание 79

http://www.orientalstudies.ru

– Институт восточных рукописей РАН / The Institute of Oriental Manuscripts, RAS –

Группа 11. Превращение—Непревращение 80
Подгруппа К. Спонтанное Превращение—Непревращение одной вещи в другую 80
Подгруппа Л. Превращение—Непревращение одной вещи в другую при третьей 80
Группа 12. Очередность—Неочередность 83
Подгруппа К. Очередность—Нарушение Очередности 83
Подгруппа Л. Чередование—Нечередование 86
Группа 13. Проявление—Непроявление 87
Подгруппа К. Проявление—Непроявление одной вещи в другой 87
Подгруппа Л. Проявление—Непроявление одной вещи при другой 89
Группа 14. Незаменяемость—Заменяемость 90
Подгруппа К. Незаменяемость—Заменяемость одних вещей другими 90
Подгруппа Л. Незаменяемость—Заменяемость каких-либо вещей такими же или сходными 93

Тип IIА. Отошения между свойствами вещей в зависимости от отношений между самими вещами 95
Группа 15. Качественные Соответствия—Несоответствия . . . 95
Подгруппа К. Собственно качественное Соответствие—Несоответствие вещей 95
Подгруппа Л. Соответствие—Несоответствие качества (характера) действий 101
Подгруппа М. Соответствие—Несоответствие вещей (или их действий) по силе или степени качеств 104
Группа 16. Природно-качественные Соответствия—Несоответствия 107
Подгруппа К. Природно-качественное Соответствие—Несоответствие вещей 107
Подгруппа Л. Природно-качественное Соответствие—Несоответствие вещи и ее действия 109
Группа 17. Количественные Соответствия—Несоответствия 113
Подгруппа К. Собственно количественное Соответствие—Несоответствие 113
Подгруппа Л. Соответствие—Несоответствие по величине 115
Подгруппа М. Соответствие—Несоответствие по количеству времени 118
Группа 18. Обстоятельственные Соответствия—Несоответствия 118
Подгруппа К. Соответствие—Несоответствие места 118
Подгруппа Л. Соответствие—Несоответствие направления 119
Подгруппа М. Соответствие—Несоответствие времени 119
Группа 19. Актантные Соответствия—Несоответствия 121
Подгруппа К. Субъектное Соответствие—Несоответствие 121
Подгруппа Л. Объектное Соответствие—Несоответствие 123
Подгруппа М. Субъектно-объектное Соответствие—Несоответствие 124
Группа 20. Одинаковость—Неодинаковость отношения 126

Подгруппа К. Одинаковость—Неодинаковость отношения одной вещи к двум другим 126
Подгруппа Л. Одинаковость—Неодинаковость отношения одной вещи ко многим (или всем) другим 130
Группа 21. Одинаковость—Неодинаковость качеств 132
Подгруппа К. Одинаковость—Неодинаковость качеств одной вещи для двух других 132
Подгруппа Л. Одинаковость—Неодинаковость качеств одной вещи для многих (или всех) других 135

Тип IIБ. Отношения между вещами в зависимости от наличия у них определенных свойств (качеств) 138
Группа 22. Качественное Превосходство—Непревосходство вещей 138
Подгруппа К. Собственно качественное Превосходство—Непревосходство 138
Подгруппа Л. Превосходство—Непревосходство вещей по значимости (эффективности) 147
Группа 23. Количественное Превосходство—Непревосходство 156
Подгруппа К. Собственно количественное Превосходство—Непревосходство 156
Подгруппа Л. Превосходство—Непревосходство вещей по величине 157
Подгруппа М. Превосходство—Непревосходство вещей по количеству времени 157
Группа 24. Бытийное Превосходство—Непревосходство вещей 158
Подгруппа К. Наличие или Отсутствие 158
Подгруппа Л. Кое-что или Ничего? 160
Группа 25. Превосходство—Непревосходство вещей по степени качества или ценности 161
Подгруппа К. Более или Менее качественное (действенное)? 161
Подгруппа Л. Более или Менее ценное? 161
Группа 26. Превосходство—Непревосходство вещей, связанных с той или иной нормой 162
Подгруппа К. В меру или Не в меру? 162
Подгруппа Л. К месту или Не к месту? 163
Подгруппа М. Вовремя или Не вовремя? 165
Группа 27. Преодоление—Непреодоление 166
Подгруппа К. Преодоление—Непреодоление более и менее трудного 166
Подгруппа Л. Преодоление—Непреодоление (чего-либо) более и менее сильным 167
Группа 28. Преимущественное—Непреимущественное положение посторонней вещи или вещи-посредника 168
Подгруппа К. Положение посторонней вещи и двух других вещей 168
Подгруппа Л. Роль вещи-посредника для двух других вещей 169
Словарь 170
Указатель опорных слов и понятий 174

http://www.orientalstudies.ru

– Институт восточных рукописей РАН / The Institute of Oriental Manuscripts, RAS –

Часть II. Пословицы хинди и урду в оригинале 211
О языке пословиц 213
Алфавитный список пословиц в графике деванагари 216
Библиография 373
Пословицы и поговорки Северной Индии. От редакторов (на англ. яз.). 375

CONTENTS

Preface 5

Part I. Hindi and Urdu proverbs arranged in logical-semantic groups 21

Type IA. Relation between the object and its characteristics 23
Group 1. Ordinariness—Extraordinariness 23
Subgroup K. Correctness—Incorrectness 23
Subgroup L. Fullness—Incompleteness 25
Group 2. Stability—Changeability 27
Subgroup K. Stability—Changeability of certain characteristics of the object 27
Subgroup L. Stability—Changeability of the object *per se* 30
Group 3. Finiteness—Infiniteness 31
Subgroup K. Finiteness—Infiniteness of objects in time and space 31
Subgroup L. Finiteness—Infiniteness of objects in the degree of their qualities 34
Group 4. Integrality—Contradictoriness 35
Subgroup K. Homogeneity—Heterogeneity 35
Subgroup L. Infallibility—Fallibility 40
Group 5. Impracticability—Feasibility 45
Subgroup K. Impossibility—Possibility 45
Subgroup L. Being practiced—Not being practiced 48
Group 6. Reversibility—Irreversibility 50
Subgroup K. Spatio-temporal reversibility—Spatio-temporal irreversibility 50
Subgroup L. Repetitiveness—Uniqueness 54
Group 7. Peculiariness—Uniformity 55
Subgroup K. Difference—Equality 55
Subgroup L. Unlikeness—Similarity 57

Type IB. Relation of direct dependence between two objects 59
Group 8. Interdependence—Independence 59
Subgroup K. Existential Dependence—Independence 59
Subgroup L. Inseparability—Separability 63
Group 9. Compatibility—Incompatibility 67
Subgroup K. Spatio-temporal compatibility—Spatio-temporal incompatibility 67
Subgroup L. Friendliness—Hostility 71
Group 10. Generation—Non-generation 74
Subgroup K. Generation—Non-generation as such 74
Subgroup L. Undertaking—Non-undertaking 79
Group 11. Convertibility—Inconvertibility 80
Subgroup K. Spontaneous convertibility—inconvertibility of one object into another 80

http://www.orientalstudies.ru

– Институт восточных рукописей РАН / The Institute of Oriental Manuscripts, RAS –

Subgroup L. Convertibility—Inconvertibility of one object into another, with a third one being a condition . . . 80
Group 12. Proper sequence—Disorderliness . . . 83
Subgroup K. Proper sequence—Interruption of proper sequence 83
Subgroup L. Alternation—Non-alternation . . . 86
Group 13. Manifestation—Unmanifestation . . . 87
Subgroup K. Manifestation—Unmanifestation of an object in another one . . . 87
Subgroup L. Manifestation—Unmanifestation of an object in the presence of another one . . . 89
Group 14. Irreplaceability—Replaceability . . . 90
Subgroup K. Irreplaceability—Replaceability of some objects with other ones . . . 90
Subgroup L. Irreplaceability—Replaceability of some objects with objects of the same kind or similar ones . . . 93

Type IIA. Relations between characteristics of objects as dependant of object-relations . . . 95
Group 15. Qualitative Correspondence—Divergency . . . 95
Subgroup K. Qualitative Correspondence—Divergency between objects themselves . . . 95
Subgroup L. Correspondence—Divergency in quality (characteristics) of actions . . . 101
Subgroup M. Correspondence—Divergency between objects (or their actions) according to strength or degree of their qualities 104
Group 16. Natural-qualitative Correspondence—Divergency . . . 107
Subgroup K. Natural-qualitative Correspondence—Divergency between objects . . . 107
Subgroup L. Natural-qualitative Correspondence—Divergency between an object and its action . . . 109
Group 17. Quantitative Correspondence—Divergency . . . 113
Subgroup K. Quantitative Correspondence—Divergency as such 113
Subgroup L. Correspondence—Divergency in size . . . 115
Subgroup M. Correspondence—Divergency in relation to the amount of time . . . 118
Group 18. Circumstantial Correspondences—Divergencies . . . 118
Subgroup K. Correspondence—Divergency in location . . . 118
Subgroup L. Correspondence—Divergency in direction . . . 119
Subgroup M. Correspondence—Divergency in time . . . 119
Group 19. Actantial Correspondences—Divergencies . . . 121
Subgroup K. Subject Correspondence—Divergency . . . 121
Subgroup L. Object Correspondence—Divergency . . . 123
Subgroup M. Subject-Object Correspondence—Divergency . . . 124
Group 20. Equality—Difference in Relations . . . 126
Subgroup K. Equality—Difference in relations of a thing to two others . . . 126
Subgroup L. Equality—Difference in the relations of a thing to many (all) others . . . 130
Group 21. Equality—Difference of qualities . . . 132
Subgroup K. Equality—Difference of a thing's qualities in relation to two others . . . 132
Subgroup L. Equality—Difference in the qualities of a thing in relation to many (all) others . . . 135

Type IIB. Relations between things depending on the presence of certain qualities in them . . . 138
Group 22: Qualitative Superiority—Non-Superiority of things . . . 138
Subgroup K. Things' qualitative Superiority as such — Things' qualitative Non-Superiority as such . . . 138
Subgroup L. Superiority—Non-Superiority of things according to their significance (effectiveness) . . . 147
Group 23. Quantitative Superiority— Non-Superiority . . . 156
Subgroup K. Quantitative Superiority— Non-Superiority as such 156
Subgroup L. Superiority— Non-Superiority of things according to their size . . . 157
Subgroup M. Superiority— Non-Superiority of things according to the amount of time . . . 157
Group 24. Existential Superiority— Non-Superiority of things . . . 158
Subgroup K. Presence or Absence . . . 158
Subgroup L. Something or Nothing? . . . 160
Group 25. Superiority—Non-Superiority of things according to the degree of quality or value . . . 161
Subgroup K. Of a higher or a lower quality (More or less effective)? . . . 161
Subgroup L. More or less valuable? . . . 161
Group 26. Superiority—Non-Superiority of things related to a certain standard . . . 162
Subgroup K. Moderately or Beyond Measure? . . . 162
Subgroup L. Right or wrong place? . . . 163
Subgroup M. Right or wrong time? . . . 165
Group 27. Overcoming—Not overcoming . . . 166
Subgroup K. Overcoming—Not overcoming of something more or less difficult . . . 166
Subgroup L. Being overcome—Not being overcome by something/someone more or less strong . . . 167
Group 28. Advantageous—Disadvantageous position of an outside object or a mediator . . . 168
Subgroup K. Relative position of an outside object and two others . . . 168
Subgroup L. Mediator's role in relation to two other objects 169
Glossary . . . 170
Index of key-words and basic notions . . . 174

Part II. Proverbs in original Hindi and Urdu . . . 211
On the language of the proverbs . . . 213
Alphabetical list of the proverbs in Devanagari . . . 216
Bibliography . . . 373
Proverbs and Sayings of Northern India. Editorial Note . . . 375

http://www.orientalstudies.ru

– Институт восточных рукописей РАН / The Institute of Oriental Manuscripts, RAS –

серия
ORIENTALIA

Научное издание

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ СЕВЕРНОЙ ИНДИИ

ISBN 5-85803-084-X

Редакционная подготовка осуществлена
издательской фирмой «Восточная литература»
Редактор — *Т. М. Швецова*

Макет подготовлен Центром
«Петербургское Востоковедение»
Набор — *Г. А. Кочугурова*
Набор в графике деванагари — *Я. В. Васильков*
Корректор — *Н. В. Пивоваренок*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*
Выпускающий редактор — *Д. А. Ильин*

Издательство
Центр «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

ЛР № 065555 от 05.12.97
Подписано в печать 11.02.98. Формат $60\times90^{1}/_{16}$
Бумага офсетная. Гарнитура основного текста «Times»
Печать офсетная. Объем 24 п. л.
Заказ № 3519.

Отпечатано в России
Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

http://www.orientalstudies.ru